

Юрий Василяди

Семейные хроники, или две тетради в клеточку

Не помню, в какой книге Валентина Пикуля прочитал слова: « Каждый уважающий себя человек должен знать и помнить своих предков, как минимум, до четвертого колена». Примерно так. Слова эти запомнились. Потом пришла простая идея – записать на магнитофонные кассеты воспоминания нашей мамы - Василяди Валентины Андреевны. Она многое помнила, любила и умела рассказывать.

« Перед вами – история моего семейства. Надеюсь, она достаточно заурядна».

С.Довлатов. « Наши».

Один, не чужой мне, человек сказал: «О - еще один писатель!» Он был прав. Заявить такое: « Я хочу написать книгу» - с моей стороны было очень несерьезно. Оправдывает меня только то, что это было «за столом». Мы были не совсем трезвыми. Но его слова я запомнил.

Поэтому сразу уточняю: я не просто хочу - я обязан записать в тетрадь воспоминания нашей мамы, сохранившиеся на магнитофонных кассетах. Среди многочисленной родни в городе Курске, где мы родились и выросли, были два человека, которые помнили все и обо всех. Они любили рассказывать, они любили, когда их слушают. Это наша прабабушка Ольга Ивановна —реальный глава всей родни во времена нашего детства, и наша мама, Василяди Валентина Андреевна. В то время — на заре народного телевидения, телевизор « Рекорд» отец купил в рассрочку в начале 60-х годов XX века, и простые советские люди небольшого достатка приобщились к этому чуду. Хотя еще не один год ходили в гости «на телевизор». Так вот, в эти годы телепрограмм еще было мало, даже до «Голубого огонька» еще не додумались. И одним из «гвоздей» TV я помню выступления Ираклия Андронникова. Литературовед, пушкинист, лермонтовед—так он себя представлял. Но главное, он был великолепным рассказчиком. И наш отец называл

Мама Валентина Андреевна (Пральникова) фото 60-х.

маму «наш Андронников». Поэтому мне остается записать на бумаге слово в слово ее рассказы о наших предках. Я долго собирался и, как-то все же собрался записать на кассетный магнитофон ее рассказы. В то время это была самая передовая, но и доступная техника. Потом много лет, после того как от нас ушли сначала отец, а потом мама, я не мог включить эти кассеты и услышать родной голос. Я боялся не выдержать. Теперь, когда уже написано это вступление, я молю бога, чтобы эти записи на кассетах сохранились в исправном виде, чтобы пленка не рассыпалась.

Если вы читаете продолжение, это значит, что нам всем повезло, и я услышал голос родной мамы через 25 лет после ее ухода.

А записать - дело не трудное.

* * *

.. еще отпросилась на день. Продала все эти огурцы на базаре. Ко мне очередь выстроилась, потому что там чеснока много – запах на весь базар идет. Продала, выручила все деньги, купила еще огурцов два мешка и еще деньги остались. Мама смеется: " Вот ты у меня молодец, я бы ни за что не смогла".

Мама

Я еще продавала велосипед. Брат Андрей с отцом после войны, в тяжелое время, где-то нашли раму от велосипеда, я только не помню - колеса были или нет. А базар был на Барнышовке, где сейчас 9-ти этажный дом стоит. Я все разложила, стою, они гуляют, Андрей и отец. Подходят ко мне: "Ну что?" Я говорю: "Да вот на 3000р. инструмента продала." И было откуда-то у отца, ну вот знаешь, инструмент водопроводный - такие две палки (видимо газовый ключ или вороток, или "клупп"). Я, говорю, подошли ко мне мужчины пожилые, смотрели, вертели, вертели. Я сказала: "3000р." - тогда деньги такие были.

Они:" Да нет, дорого. Нет, это дорого."

Ушли, потом опять пришли. А я вижу, что они заинтересованы. Думаю, черта с два я вам уступлю. Потом они опять подходят, а я эту

штуку мешком накрыла и говорю: " Сейчас мужик придет - он мне даст больше, уже продано". Нарочно говорю.

Они: "Да, как же так?"

- Да так. Вот вы ушли и упустили теперь.

- Да ладно, сколько они тебе дают?

- На 500р. больше.

- Ну, мы тебе на 250р. больше дадим.

За 3000р. не купили, а за 3250р. взяли и ушли довольные. Подходят отец с Андреем:

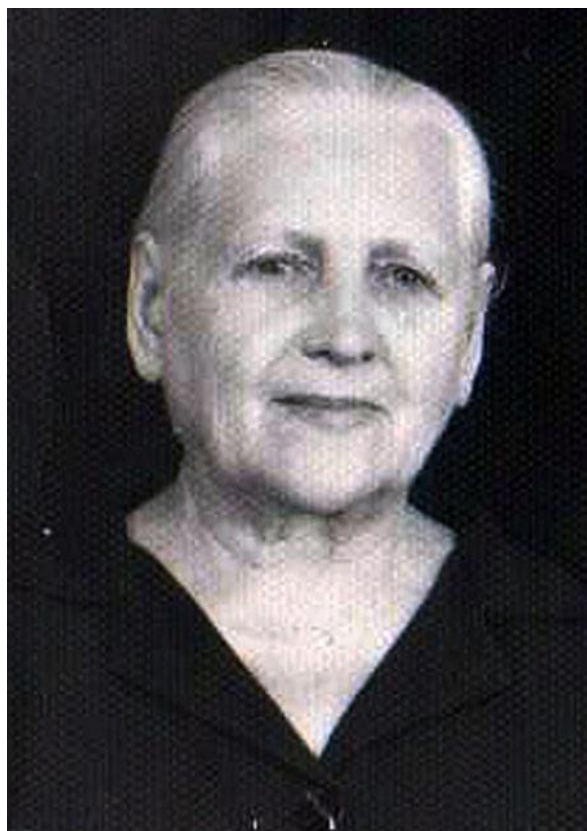
- Ну что?

- Да так и так.

- Ну, здорово, молодец!

А я говорю: " А на велосипед смеются. Идут ребята молодые и говорят - на этом велосипеде еще Наполеон отступал. Где вы его выкопали? В музее каком-то?" Андрей с отцом говорят: "Брось ты его здесь и пошли домой". Бросили этот велосипед и ушли.

Так что, это не бабушка его продавала. Бабушка пошла свой ковёр продавать - дед ваш растрату сделал. А Барнышовка - этот базар был, где тюрьма тогда. Закрутила ковёр, положила через плечо. Подошла к базару, постояла и ушла: "Никто, говорит, не спросил". Да откуда кто знает, что у тебя за горбом спрятано. Кто будет спрашивать?

Бабушка Саша. Фото 1978 г.

Бабушка ваша тележного скрипа боялась. Господи, боже мой, свою пенсию не могла выхлопотать, сколько лет проработала. И всю дорогу (в смысле - всё время) переживала, что пенсию не получала. А Сипичка (соседка тётя Варя Евдокимова) не работала никогда, а пенсию получала. За дядю Лёшу мужа своего совсем бы пенсия маленькая была бы. А она получала нормальную пенсию, сделала справки, что у неё стаж и всё. Это ей зять- еврей Изя Ключмель сделал. Он и Сашку, сына её, сколько раз от тюрьмы выручал. Сашка раз, он же шофёром работал, поехал в командировку, видит баран там ходит здоровый недалеко от дороги. Он выскочил из кабины - раз этого барана в кузов- и увёз. А бабка какая-то видела и номер машины запомнила. Подали на него в суд, и ему грозила тюрьма. Он ему взятку дал, судье, а там как-то это вышло на

свежую воду. И, как взяткодателю, еще ему прибавили. Но Изя (муж старшей сестры Клавдии) выручил. А сидел он за то, что подрался и милиционеру погоны оторвал. А это, знаешь, нападение на власть. И дали ему 6 лет тюрьмы. Тут-то уже и Изя ничего не мог сделать. А барана краденого забили, съели. А шкуру баранью, татарка Марьяна (Сашкина жена) торговала в ларьке и под ногами лежала шкура баранья- её нашли.

Фото 1953 год. В центре сидит Александра Ивановна Пральникова (бабушка Саша) с внуком Юрием. Рядом слева дочь - Валентина Андреевна Василяди (Пральникова) с сыном Володей, справа дочь - Галина Андреевна Колесникова (Пральникова) с сыном Володей. Вверху зять - Василяди Василий Ильич, в центре - брат Геннадий, справа зять - Колесников Василий Степанович.

Вот про барана вспомнили. А был случай, когда я работала в "Бюро услуг"- туда привели живого барана. Один полотёр, он занимался этими делами, где-то их перекупал. Он и говорит: "Андреевна, заведующей и Вам двух баранов привезу. Будете брать?" Глядь- привезли живых. Что ж с ними делать? А он, этот Сорокин, сюда домой его привел: "Василий Ильич, я его сам забью. Разделаю. Моя будет шкура, потроха" Отец посмотрел на этого барана, тот с рогами большими. И говорит: "Вот еще номера устраиваешь (на меня). На черта нам этот живой баран?"

Я говорю : "И Анна Васильевна - заведующая себе тоже взяла барана. Мы ж не знали, что их живых привезут".

Нет, не так было. Самое интересное, как отец вел этого барана от "Бюро..."на веревке.

Вел его по Карла Либкнехта, потом по Суворовской, завернул и шел по Луговой. Потом сказал, что на него киносъемка была, его засняли с бараном, и теперь будут показывать в киножурнале в кинотеатре "Октябрь".

Василий Василяди

"Я, говорит, вел барана, а баран как побежал, трамвая испугался, и я за ним бежал".

Дальше сказал, что ничего с ним делать не будет. Привязал тут его во дворе и все дела. Я про гусей расскажу - это еще интересней. Под Октябрьские гусей привезли из колхоза. Три гуся я купила, что-то задешево, задешево. Как я их тянула, крылья им не связали, у них шеи длинные, ноги длинные. Одна гусыня все шипит – хочет меня укусить. Еле, еле – из трамвая меня высадили, сказали – нельзя с гусями – они там нагадили. От Суворовской пешком, потом принесла их домой, отец, как глянул и говорит:

- Это что такое ?

- Гуси.

-Ты что-нибудь да придумаешь. На черта они нам нужны? Пошла , готового гуся купила и , пожалуйста, жарь.

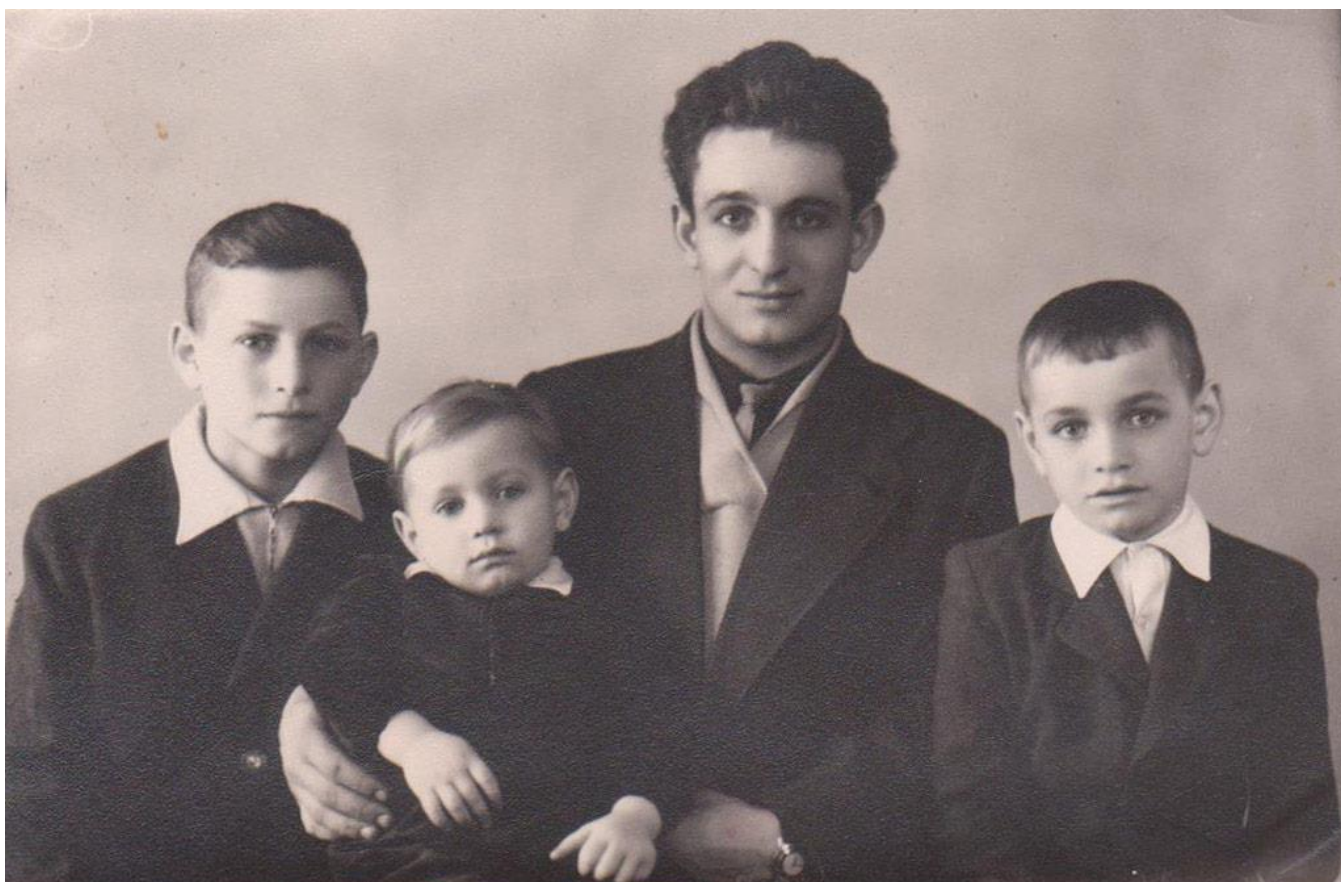
- Ну, Вась, надо гуся зарезать к Октябрьской.

- Они еще худые, пусть живут.

Брат Володя Колесников. 1968 г.

Постелили в душе летнем опилки, я принесла с работы, положили в таз кувалду, посыпали зерна – и они сидят и зерно едят и едят, снегом заедают. Мне сказали – воду не давай, давай снег. Выросли гуси-лебеди. Юрка заходить туда боялся- через дверь им снег бросал лопатой, приоткрывал. Я говорю: " Вась, надо гуся зарубить."

1960 год. Братья Василяди Владимир, Геннадий, Юрий, я на руках у старшего.

Знаешь что? А как его рубить? Это тебе не курица. У него шея длинная. Как его рубить? И Володька приехал зимой в отпуск из училища, Володька Колесников тоже приехал из Риги. Наш Володька их в феврале уже и порубил. И пошли с капустой тушеной только так – объединение было.

* * *

Отец пришел с работы, печку растопил:

- Ты не знаешь, как мама варит макароны?

А ты говоришь:

- Нет, не знаю.

Ну что, положил в кастрюлю макароны, налил холодной воды и поставил варить. Глянул – там тесто. И сказал: « Это макароны Гаррибальди- их надо так есть».

А то помню еще случай. Куры стали продаваться, как их - бройлерные. Ну, я ушла на работу, думаю - приду, курицу буду варить. А он, был выходной день, думает: " Да я сварю курицу пока, мать придет с работы – бульон уже готов." Я прихожу, а он говорит: "Знаешь что? Я хотел тебе помочь". Я говорю: "Ну, и что?"

- Мыл-мыл курицу, палил на огне. Все, как есть, как ты делаешь – делал. А сварил бульон – вонючий и серый какой-то.

Думаю – что такое? А он не вытащил там изнутри ничего, сверху помыл и положил варить. И выкинули. И курицу, и бульон. Потом бабушке на поминки я купила, значит, на холодец голову свиную, там еще кое- что. Помыла, помыла, потом соленой водой залила. Думаю – приду, помою еще раз - и буду варить. Он глянул - чистая, прозрачная вода, мясо там лежит. И поставил варить. Варил, варил, варил, варил. Я прихожу, а он говорит: " Сварил холодец – 4 часа кипел." Я как попробовала, он, как яд, соленый. В соленой воде лежал, отмокал, отмокал, понимаешь.

- А что ж ты поставила в соленой воде? Для чего?

- Чтоб вымокло все.

Так и выкинули, нельзя было ничего сделать – соль одна. Солонину – и то не так сильно солили. Вот мы, когда нам носила Леля мясо. Так мы разводили рассол – и столько соли, чтобы яйцо сырое сверху плавало. В этот рассол клали окорок, а потом его запекали. Делали и из своих поросят – были у нас пару раз – окорок по 20 кг. С чесноком, сначала в этом рассоле лежит неделю, потом доставали, отекает соль, чесноком натирали, внутрь напихали, тестом обмазывали – и в печку. В русскую печку – за заслонку, а так оно не запечется. Когда вы были маленькие, вот Геннадий помнит, на рынке все было очень дешево. Я брала 100 рублей, собирали три семьи – еще Соколовы, Котопуловы. Беру 100 рублей. Несу – гуся, курицу, бульонку такую здоровую на холодец, мясо, еще и сдаци – на селедку, да на рыбу. Рыбу раз купила, как ее, что с одним глазом – камбалу. А камбала в половину стола, круглая и такая вот толстая. И вот отец мне ее порубил, кость там только одна – хребет. Порубил , я пожарила под маринадом, вкусно получилось. Мои гости:

- Валь, это что за рыба?

Я не хочу сказать, она же дешевая была, эта камбала. Говорю :

- Чудо-юдо рыба – кит. Догадайтесь сами.

Они объедаются, а догадаться не могут, что за рыба. А когда я ее покупала, деревенские мужики вынесли камбалу – больше этого стола, вот такая круглая. Двое несли, раскачали и на телегу бросили. Ну, я такую унести не могла, а вот на полстола я ее в мешке, через плечо несла. И рыбы было много дешевой: камбала, красная такая – окунь морской, бильдюга. Все на рынке. Кур и мясо у нас до войны сроду не продавали в магазинах. Селедку продавали, там рыбу, консервы. Полный базар был еще рыбы не морской, а речной. Вот я раз на первый день троицы пошла, купила рыбы полкошелки, несколько штук, называется линь. Линь речной, мелкая чешуя, весь серебристый, но чистится – не дай бог, как плохо. Я его и солью посыпала, и вилок чистила. Говорю:"Мам, давай его гвоздем прибьем за глаза к доске и буду чистить, а то он скользкий – только на пол у меня из рук так и шлепается." Приносил нам рыбу и Витька Хотяинцев. Он сам ловил... Нет, не Хотяинцев – тот никогда не ловил, тот садом всегда занимался. Витька Блюндя

рыбак был. Карп, совсем не такой, как продается (сазана он приносил речного). Один раз принес. Я жарила, жарила большую сковороду. У нас была большая сковорода. А Витька Хотяинцев пришел, бутылку принес, и сам слопал эту рыбу один. Я на него смотрю во все глаза, отец тоже смотрит. А отец как-то рыбу не очень ел .

.....
Денег дома нет - иду занимаю, приду к Анне Ивановне (тётке она продавщицей работала), говорю:

- Ань, у нас денег не хватило.
- Ну, сколько тебе дать?
- Давай пятерку.
- Да ты что? Пятерку мало. Возьми хоть 10 рублей.
- Нет, не возьму – отдавать много. Не возьму.

Приду домой, с пятеркой, с этой, и начинаю думать. Свекольник сварю. Ген, помнишь? Оладьи, компот из сухофруктов. В коридоре 10-литровая кастрюля стоит с компотом. Володя прямо подходит, и сколько ему надо - черпает и пьет. Вот он до сих пор и говорит, что это компот настоящий, а этот – в банках – абы что, это не компот. Вот тот был компот, так и вспоминаю. Так там что было? — Груши, яблоки, урюк, чернослив, изюм. Конечно, этот компот будет – чудо. А вот, когда отец лежал в больнице, так компот нельзя было ему из банки. Из сухофруктов только – он полезный, а это – баракхло. Только кишечник будет бурлить от него, когда больной кишечник.

Старшой Геннадий собрался в армию. 1960 год.

Помнишь, Ген (к брату), какие компоты были у нас? Вот, и Геннадий тоже его любил. (Игорь просит перейти к истории предков. Морозовского рода и Пральниковского).

.....

ПРАЛЬНИКОВЫ

Ну, Пральниковых я мало знаю, потому что отец, дед ваш, не любил их, своих. Не любил никого, ни сестру, ни брата. Мой отец – ваш дед. Не любил их. Он до 5-ти лет ходил без штанов – длинная рубаха. Бедность была необыкновенная. Потому что.... Он был, я точно не помню, или 1894 или 1892 года рождения (1894-го). На 6 или на 4 года он старше бабушки был, я точно не помню. Он умер в 1937 году – ему было 46 что-ли лет, не то 48 – ну приблизительно так. Он был старший

ребенок в семье дед ваш. А отец его был железнодорожником, работал на железной дороге – осмотрщиком путей. А из деревни пришел еще его отец. Из деревни Курасово или Пральниково, она – эта деревня прямо где-то в Курском районе по шоссе дороге. Или рядом с шоссе дорогой – есть там деревня Пральниково. Ну вот, еще его отец пришел на заработки в город, да тут и остался. Жил, жил – ничего не нажил, а нажил, значит, детей – да и все. И по квартирам шатался.

А до революции квартиру снять у частного – стоило очень дорого. Не каждый мог снять эту квартиру. Вот, наши снимали, бабушка Ольга – в двухэтажном доме – низ. И вот, чтобы меньше платить, еще и сами сдавали комнату постояльцам кому-нибудь. Понимаешь, дорого было – квартира. А вот, уже этот мой дед, работал на железной дороге и попал под поезд. И его потащило 20 верст, как тогда говорили – всего растрепало. И комиссия признала, что он сам виноват. И оставалась бабка моя с отцовской стороны на чужой квартире, на частной, и было у нее четверо детей. И самый старший – ваш дед, мой отец. Было ему 6 лет, когда это случилось. Никакой пенсии не дали. Как жить? За квартиру надо платить.

Как раз они снимали низ на этой улице – Ахтырской – за кинотеатром "Юность" (теперь). И бабка Поля – мать отца, значит... А отец мой, ваш дед... Вскорости девочка младшая умерла – она была 2-х месяцев. Холодно было, низ дома холодный, сырой, и девочка умерла, не выдержала условий, не протапливалось. Осталось трое детей: мой отец – самый старший, потом его сестра, а потом младший брат. Трое их осталось. Ну, бедность была непомерная. Бабка Поля занялась печь хлеб – там была русская печка большая, где они жили внизу, в полуподвале. Вот она, значит, месила хлеб, пекла и на базаре не продавала, а разносила по знакомым, по заказчикам. Она пекла очень хороший хлеб – заварной ржаной. И вот один хлеб в печке, там усаживается 6 буханок в ряд. Такие вот буханки, такая огромная печка была. А тут уже, это, следующий замешивает, уже подходит – такая дежа большая, укрыта косяковым одеялом, чтоб тепло было тесту. Труд это большой, это очень тяжело вымесить этот хлеб, это тебе не пирожки там какие.

Ну вот, а отец бегал в Ахтырскую церковь. Там эта церковь за мединститутом была. Ее сломали, эту церковь, сейчас там какая-то фабрика одноэтажная. Бегал туда еще, он говорил, без штанов – в рубахе. Штаны не одевали потому, чтобы далеко не убежал. Бабка уходит, а то он забежит, а без штанов далеко не побежит. Ну, в церковь он бегал, голос у него был хороший. Там его заметили – сирота. Поп там какой-то. Сирота, мол, бедный. Ну, учили его петь, и он пел. И вот в какой-то праздник Ахтырской Божьей Матери архиерейский хор приехал там служить. И архиерей услышал его голос и взял его к себе – там его дальше учили. И он знал их семейное положение, каждый раз (после службы) давал ему золотой. Ну, золотой – все равно, что бумажный, тогда одинаково было. И вот бабка с этого и начала хлеб печь – с его золотых монет. И, значит, так он и жил. И вот, он говорил, дальше стали больше платить, больше. Он уже был "исполтчиком" – называется. Ну как это – главный певец, ну самые высокие ноты тянул – "испола, испола" пели, когда молитва. Вот, говорит, едет в карете архиерей, а он там на углу Московской (ул. Ленина) мороженое ест. Кучер остановил лошадей, вышел

архиерей из кареты, подошел к нему и натрепал ему уши: " Не смей мороженое есть – тебе нельзя". Так он до 16 лет пел, а потом голос стал меняться, а тут время такое уже стало – непонятное. И он поступил учиться. Там в церкви он не только пел – он учился в церковно-приходской, он приходскую школу окончил при архиерейском этом дворе или службе. И дальше поступил учиться на телеграфиста и стал телеграфистом хорошим. Очень престижная профессия в те годы.

Тут война 1914 года, его посылают учиться, тогда же грамотных было мало, в Чугуевское пехотное училище, под Харьковом. И вот он его окончил. Такая биография- все растерял из-за водки под конец. И вот, значит, из Чугуевского училища он вышел досрочно и прямо на фронт. Прапорщиком был. Там большевиком стал, агитацию вел. И был на этом, съезд был I Интернациональный, депутатом, солдатским делегатом. Или I съезд Советов. Ну, потом, дальше-больше. И, вот тебе, стал служить за Армию Красную. Со Щорсом, Юго-Западный фронт. В Киеве, в гостинице жили и маму забрал туда. И все такое, прочее. И бабушка попала в плен к Махно. Начальник штаба был у них генерал от инфантерии, очень знаменитый генерал был, за красных стал. Штаб почти весь состоял из этих офицеров, бывших царских, военспецы все были. Потом уже даже со Щорсом бабушка вместе в театре была и на банкетах была. А потом они гуляли с женой начальника штаба по Киеву.

А тут налетела конница. Схватили их в тачанку и увезли, в сарай их поместили. Хотели выкуп за них. Там в какой-то сарай у махновцев. Ну, они там сидят на соломе, плачут, что делать. Ну а вестовой их командира им говорит:" Ничего, ничего, барыньки, не волнуйтесь. Выкуп за вас возьмут и вас отпустят." А утром отец мой собрал конницу там сколько-то, я не знаю, налетел туда и их из этого сарая освободили. И он получил за это от начальника штаба взыскание - арест на 10 суток. Хоть его же жену тоже освободил. Ну, там приключения были разные. А потом, когда уже немцы шли на Украину, стали отступать наши. Стали отступать, сидят на вокзале в Киеве. Тогда чемоданов не было, а такие плетеные корзины, с петелькой, с замком чемоданы такие высокие. Бабка Поля сидит, вот и бабка была там, отцова мать, в Киеве с сыном. Сидят на вокзале, подходит цыганка старая и говорит ей: " Дай иголку с ниткой - цыганенку рубашку зашить". А бабка Поля, она вредная была: "Иди, иди, катись колбасой. С вами свяжись, потом не отстанешь. То дай иголку, то дай рубашку. Проваливай". А та остановилась и говорит: " Старая ты ведьма..., ведьма, ты ведьма. Вот твоя невестка – хороший человек. А ты змееподобная. Две иголки с разными нитками у тебя под воротником, а ты пожалела. Ты знаешь, что ты на дороге издохнешь. Никому ты не будешь нужна через свой характер. Издохнешь на дороге". А та: "Иди, иди. Проваливай".

Ну и что, и правда умерла на дороге бабка Поля, отцова мать. Во время этой войны, Отечественной. Все в деревню эвакуировались. В Спасское село (кок Нинка, что к нам приходила), Люба, что была на похоронах. Это ж отцовой сестры дети. Они и жили по частным квартирам, так и жили. На Чулковой горе – это по Челюскинцев вниз, там прямо ров и на Боеву Дачу вход. Ничего не заготовили, ничего у них не было. Мама - бабушка

ваша – крупы наносила, брынзы, сахар. Она далеко не ходила – она нам со своей базы приносила. Там говорили, Федор Григорьевич бухгалтером был (сосед Гетманов): "Берите, все равно останется немцам. Берите что можете, что донесете". И вот мама ходила и всего потихоньку принесла. Бабушка ваша.

А у них ничего! Александр Иванович - отец Любкин и Нинкин, с голоду стал опухать. Любку и Нинку в Германию забрали. Александр Иванович это тети Марусин (младшая сестра отца моего) — муж. Зять отцов, деда вашего. Он был такой смирный, непьющий, некурящий. А такой ..., как ты ,Игорь, говорил про таких- лабух. Он даже стеснялся, с зарплатой идет и в магазине стеснялся спросить: сколько стоит это? Дайте мне то. Бежал домой, как угорелый, приносил деньги и говорил:

- Идите, покупайте.

- А ты чего не купил? Ты мимо шел.

- Да буду я там спрашивать.

Так он и прожил всю свою жизнь. Ну вот, он и говорит своей теще, бабке моей:

- Ну что сидишь? Иди в свою деревню Пральниково. Мы уже с голоду опухаем.

Там у нее родни было много. Она идет, приносит сумку: куски хлеба, картошку, бураки (свеклу). Принесет, день два отдохнет и снова идет. Так всю зиму ходила. А зима-то была суровая (с 41 на 42 год), холодная. Она их кормила этим подаванием. Ну, все же она не у чужих просила, у родственников. Ее даже оставляли там:

- Оставайся у нас , живи.

А она: - А как же Маруся? Они там с голоду помрут.

И вот, уже весна была – март месяц. Она набрала там в деревне всего. Шла домой и упала в луже на дороге. Тут снег тает, а она упала и лежала, пока какой-то деревенский ехал на телеге, забрал ее, отвез снова в деревню. Положили ее на печку. Потом пришли сюда, в Курск, и сказали:

- Забирайте.

И вот ее забрали, она уже была почти мертвая. И она говорила Марусе, своей дочке:

- Цыганка меня прокляла на вокзале в Киеве. Помнила все. И хоронили ее, бабушка ходила. Я даже не ходила - Генка маленький был, я не пошла. На санки гроб поставили, на эту Чулкову гору насилу взволокли – там же узкая дорога, там ров. И там похоронили, на Никитском кладбище.

А брат младший отца был долго живой. У нас сейчас двоюродный мой брат Пральников есть один - Борис. Когда как-то, были выборы в местный совет, отец ваш сидит тут - вот и говорит:

- Валя, смотри – брат твой. Пральников- депутат горсовета. Борис Иванович Пральников.

Крайний слева стоит Андрей Пральников, 1926 г.

Я говорю:

- Да, это мой брат двоюродный.

Он на "Счетмаше" всю жизнь проработал электриком. Ну, специалист, говорят, хороший был. Дядя Ваня (отцов младший брат) был моложе отца, гораздо. Он был, наверное, 1898 или 900-го. Вот Нина, тети Марусина дочь, которая в г. Орджонекидзе (г. Владикавказ) уехала. Там она и прожила и сейчас живет, и неизвестно, что там с ней. И вот эта Люба, ее сестра, что у нас была - и вся родня Пральниковская. Да Еще этот дядя Ваня, отцов брат, во время немцев отличился. Его жена, Лиза, была такая пройдоха, спекулянтка:

- Поедем в Германию, завербуемся.

Во время немцев завербовались, и жили там они у бауэра (хозяина), как это называется.... - "бутертами". Ну там батраки такие, жилище у них, там все обеспечено, столовая. Они только знают работу, которая им поручена: за свиньями там смотреть или по огороду дела делать. А уже даже стирать для себя – и то они не стирают, а сдают в прачечную стирать. Понимаешь, как они прожили там. И приехали домой, а их дом заняли. У них полдома было там, в Ямской. И они 6 лет судились, пока свой дом отсудили. На них смотрели как, а завербовались добровольно!

На железную дорогу, где он работал раньше, его не взяли. А он был хороший

телеграфист. Когда дед ваш, отец мой, выучился на телеграфиста, и его взял к себе. Они когда разговаривали - быстро так, быстро так. Ну вот, его не взяли на железную дорогу - он сторожем на складе угольном работал. Умер он давно уже, но все-таки долго еще прожил. Наверное, лет 20 уже прошло. 1898года он был или 1900го- точно не знаю. И вот, у него был один сын - Борис. А там родили девку, Галку, она в 1944-м году там, в Германии родилась. И вот ее муж в обкоме партии работал. Я все забываю его фамилию, и сейчас не помню. А сейчас он. знаешь Игорь где работает? У Юрки Клюмеля экспедитором. А Клюмель - директор столовой на "Счетмаше". Был замом, потом директор умер, и назначили его. Нойман умер - Клюмель стал. Ну, весь в отца пошел. Ни о чем они не волнуются, все он представляет домой. Так что, еще двоюродная сестра - Галка- есть, которую я никогда не знала. Вот, Люба со мной разговаривала по телефону и говорит: «Эта Галька(ее Галей зовут) на меня даже не смотрела». А живут они: Люба - над "Домом обуви" на ул. Ленина, а они - где Гудков жил - на ул. Павлова- и двор у них общий. Она, говорит, на меня даже не смотрела. Они двоюродные сестры, как и мы. А теперь, как его отовсюду поперли, стал работать экспедитором, теперь, говорит, стала со мной здороваться: «Люба, Люба». Вот мы, говорит, шли на похороны к отцу вашему, а она встретила:

- Куда вы с цветами? На северном рынке, на Московском.

- Мы идем, так и так, на похороны. У двоюродной сестры умер муж.

- А какая это сестра?

- Она в Казацкой живет.

- А я не знаю даже.

Вот, они все ей рассказали. А теперь она как-то им звонила или видели ее, говорит:

- Люба, как пойдешь в Казацкую, скажи мне, я с тобой пойду.

Люба говорит:

- Галька навязывается- к тебе прийти.

А я говорю:

- Да на что она мне нужна? Я ее сроду не видела в глаза даже.

Ну вот, родня моя по отцу: Люба, Борис, Галька. А Нина в г. Орджонекидзе (теперь город Владикавказ) живет, уже никаких писем, ничего нет. Как она там? У нее два сына были. Один уже умер - пьяница был, это старший. А младший, Сашка, чуть старше Юрки был, часто с матерью приезжал и к нам всегда приходил, к Юрке. И с ним всегда все игры приключениями заканчивались. Сумасшедшие ребята были.

Это Пральниковское колено - отцово, вашего деда. Из деревни Курасово или Пральниково Курской Губернии. Там деревня Курасово, потом Пральниково, она от дороги порядочно, не на самой дороге. Ну, прабабка ваша пешком ходила в 41году и в 42-году. Мы с детства, как тебе сказать, знали бабка Поля та была вредная. Говорят, я на

лицо на нее похожа уродилась. Не знаю, может и похожа, но характерами мы совершенно разные. Она была такая эгоистка. Вот Андрей наш - ну все капли бабки Поля подобрал, ну точь в точь прямо характер ее. Вот смотрю на него и мне прямо страшно, особенно к старости.

Ну значит, она любила дочь, как положено, больше всех- Марусю. У Маруси был муж неудачный, как говорят, "ни в дудочку, ни в сопелочку". Такой специалист был крупный – краснодеревщик, а с людьми не умел жить. Договариваться не умел, работать ленился. И так прозябал, работал там где-то на стройке и получал мало, мало, мало. Маруся устроилась уборщицей в Мединститут, убирала профессору, какой-то женщине, квартиру. В общем, трудно они жили, да еще на частной квартире. И бабка Поля была предана этой дочери и любила этих внуков – Любу и Нину. А нас с Андреем так себе - не особо. И Бориса тоже. Это уже, как бы, от сынов дети. И вот она их по гостям везде таскала. А у нее была сестра родная, у бабки - Дуня. Жила на Щемиловке, вот здесь. У них сад был такой огромный. И вот бабка Поля на Троицу или на какой другой праздник идет с Любой, с Нинкой за мной и за Галей:

- Пошли к Бабе Дуне- яблок наедемся. А у нас здесь была сирень, сливы, да черемуха на усадьбе - больше ничего. Из Стрелецкой всегда, вы должны помнить, и Лариса и Леля черемуху приходили есть. Едят, едят-все губы черные, она же вязкая такая. Ну и у деда (Ивана Яковлевича) были цветы: георгины, розы кустами прямо, шиповника много росло. А у соседей ракиты росли, янтарка и тоже какие-то кусты. Темные люди были, чтобы садик развести - не имели понятия.

И вот придем туда, а бабка Дуня была хорошая:

- О, навела своих "притористов". Нинку и Любку она не любила. А у меня были волосы такие белые, кудрявые, глаза голубые. Она на меня:

- Ах, ангелочек! Валечка иди – я тебя подержу. Пойдем, я тебе яблочек хороших наберу, сколько ты домой унесешь.

А что мне было лет? Сколько я могла донести? А бабка Поля злилась. Ну, а потом, значит, уже стала она у нас жить. Там не ужилась, там не ужилась. Тут не ужилась – зять невлюбил, вот точно ей цыганка предсказала. Там , в Ямской не ужилась- невестка ненавидит. Приходит к нам и все жалуется:

- Я там голодная. Как покупали килограмм хлеба. Я пришла жить – больше не покупают. Нарезет к моей стороне тоненькие скибочки. Возьму одну, попнусь за другой - она уже на меня смотрит- невестка Лиза. А я уже была так порядочно в возрасте, говорю:

- Бабушка, а ты возьми, как в том анекдоте , поверни хлебницу к себе толстыми скибками.

Она:

- Да ты что? Она , эта Лизка- змея....

А там, у Маруси, ее тоже Александр Иванович не любил. Уже мы взрослыми были, вот

Нинка вспоминала: - Мать зовет всех за стол. А отец- Яне хочу, не хочу. Александр Иванович не хотел с ней за одним столом сидеть. Говорил : - У меня мать одна. Возненавидел ее, да и все. Вот она все ноет, ноет. Ну, приходи к нам жить. Мама устроилась на работу хорошую, говорит: - «Приходи к нам жить».

Вот она пришла. А бедность была. Жили на месте этого дома, уже перед войной. Вот она ходила на базар. И тоже тогда трудная жизнь была. Я вспоминаю – очень тяжелая жизнь была. Бедно, впроголодь жили. Котелок картошки купит, а котелки какие? Со всех сторон вогнутые. Так положит, что – здесь картошка, там картошка, а внутри пустота. Принесет этот котелок картошки и на два дня делит. Обеды она готовила, ну и, главное дело, все картошку любят. И Галя картошку любила, и я любила, и бабка умирала по картошке. Что там есть? Вот она варит борщ на загнетке, на таганке. Такой таган – три ножки – ставят на него чугуны и аккуратно щепочки, чтобы зря не горели, только под чугуном. Сварит и в этот чугуны положит две картошки- съесть днем. А вот так над огнем – полка. Положит в черепушку глиняную две картошки- и на полку. А я сижу там(в комнате) уроки делаю, уже в 7-м, 8-м классе была. И мне в трельяж видно- бабка картошку поставила. Вот я посижу, посижу, а картошечки хочется. Захожу на кухню:

- Ба, ты что делаешь?

- Не видишь - щи варю.

А я сейчас раз эту занавеску на полке:- А бабуль, это ты две картошки сварила- одну мне, одну себе.

- Да...! Как рявкнет на меня.

А я уже возьму поменьше какую и прямо сухую съем здесь на кухне- душу отведу. Она надуется, со мной не разговаривает. Приходит мама с работы, бабушка ваша:-

Что бабка молчит, что случилось?

- Мам, да я вот так и так...

- Да обошлась бы ты без картошки, пусть бы она и ела. А ты б щей попросила у нее, раз есть хочется.

-Да картошечки хочется.

- О, боже мой!

Так вот надуется, я не могу. Прямо настроения у меня нет. Вот вечером чай пьем с хлебом, с маслом. Масло у нас было, мама приносила масло и топленое, и сливочное. Она же на базе работала. И сыр у нас был. Валялся, как кирпичи. Галя его ела, а я сыр не ела, не любила совсем. А Галя с Люськой приходили, жевали как, все равно, мыши этот сыр, куски. Ну вот. Вот мама там, во дворе, самовар поставит, чай готовит. Я подхожу и говорю:

- Бабушка, ты что с мамой не разговариваешь? Тебе жалко, что я картошку съела? Какая же ты бабушка? Ты бы меня сама позвала. Я ж твоя внучечка, я ж на тебя похожа,

говорят. Но я не такая вредная, как ты. Причем здесь мама, что ты с ней не разговариваешь?

Она:

- Иди, иди, отвяжись от меня.
- У бабка, ты кулябка- говорю на нее.
- Шур, скажи ей – кричит во двор.

Мама:

- Иди сюда - уже знает. Опять с бабкой ругаешься?
- Ругаюсь- говорю. Я, говорю , тебя приучу, что ты будешь две картошки варить и будешь меня звать. И скажешь:
- Вот тебе большая, а мне поменьше. Вот она:
- Да кто сказал, что она на меня похожа? Она такая хамка, такая хамка!

Или станет белье стирать. Она чистоплотная была. Учила меня стирать. Значит, носила она белые чулки под низом, а сверху черные. А черные, видать, красились, что они - и те, и те серые становились. Начнет стирать белье, блохастую рубашку. А рубашки тогда были: сверху ситец до пояса, а ниже - холстина. И вечно пятна (блохи, клопы)- вот жили то! Пхает свою рубашку, штаны у нее были такие (на две ноги одевались, а тут просто завязывались на поясе - такая мода была). Штаны эти пхает туда, рубашку блохастую, чулки. Я подойду к корыту:

- Что это ты тут наложила? Беру таз, все выкладываю в таз. Блохастых тряпок тут напхала. Простыни стирать, наволочки белые кипельные. Соображаешь , что ты делаешь? Как ты себя любишь. Если так себя любишь - грей самовар и стирай отдельно свои хархары, а мне сюда не клади.

А мне было 12 лет уже, только что исполнилось. Вот она посмотрит, а сказать нечего.

- Вот и стирай в тазу, а тут нечего в корыте барахло это стирать.

Я начинаю стирать в корыте, терка была . В 12 лет я уже белье стирала. Стираю, а самовар был (вот Геннадий его забрал) $\frac{3}{4}$ ведра, а белье целое корыто . Пока самовар закипит - вылью в белье, другой пока закипит, а там уже остыло. Все руки были в волдырях, стирала с ранних лет. Пральник у нас был, идем на Кур, на доски. Там был камень такой гладкий - лежал. И на камне пральником выбиваем. Чук, чук, чук, потом переворачиваешь, бьешь со всей силы, грязь выбиваешь. Конечно, в 12 лет я уже стирала. Мама (бабушка ваша) много работала, вечно подрабатывала.

Бабушка Саша. Фото 1978 г.

Работу она свою закончит, говорят:

- Александра Ивановна пойдете грузить? Пришло что-то - грузить надо. Помогали тоже. Фрукты, овощи на магазин. Она идет. Трудно было жить. Все документы пожгла, партизанские отцовы и все. Вот бабушка – они всю жизнь были . . . ну такие: неудачи в жизни, которые она сама себе добывала. Ой, господи, за мной пришла в деревню, за Геннадием, пришла из деревни, только там провела: как идти, как везти, что. Приходит Хора, вот Валина и Любина мать (соседа деда Кузи Молодцова жена – она раньше умерла):

- Александра Ивановна, ты ,что ж сидишь?

- А что, Марфа Сергеевна, что?

- Ты что ж сидишь? Немцы по Казацкой идут, а твой муж- коммунист партизан был. Документы найдут и нас всех постреляют.

Схватывает все документы, целую папку- и на костер. И книжки пенсионные, и документы, и мандаты. Были мандаты, тогда не документы назывались – мандаты. И награждение какое, и все пожгла. Потом пришла и говорит:

- Вот я погорячилась, можно было что- то оставить.

Главное, мне отец купил до войны шубу. Сейчас эта шуба, я не знаю, сколько б стоила. Норковая шуба. И шапочка такая – пирожком, и тут кожаные цветы. И фетровые боты- 130 рублей. Фетровые, белые, на кожаной подошве. Идешь, как на коньках. С туфлями, туфли туда одевались, в боты эти. Вот, шубу закопали дома, доски подняли. Целлофана тогда не было. Замотали в клеенку. Вот такая, что на стол стелят. Обвязали, замотали, закопали. А почему документы нельзя было закопать? Все пожгла сама. А нам, в деревню дала фотокарточку- партизаны написано. Групповая карточка и внизу с пулеметами сидят. Тут папахи, красные ленты на папахах.

Это Морозовская ветвь, бабушки Шуры вашей. А это я все про Пральниковых рассказывала. Я про них мало что знаю. Знаю , что железнодорожник был дед мой, что его задавило, что пенсию не дали, четверо детей оставалось И маленькая 2-х месячная умерла в эту зиму.хлопотала, хлопотала пенсию жена. Сказали , что сам виноват- не дали. Что отец ребенком и содержал семью. Если бы не он, она б и не знаю что делала. Говорила , приходили родственники из деревни, звали- пойдём в деревню. Она не пошла с детьми. Земли нет, хаты нету- идти в батраки с детьми- тоже трудно решиться.

МОРОЗОВЫ

1916 год. Большая семья Ивана Морозова (сидит в центре, рядом его жена Ольга Ивановна, в чьем чреве младший сын Леонид). Стоят (верхний ряд): сыновья - Михаил, Василий, дочь – Александра, сын Иван. Рядом с прабабушкой Ольгой дочери: Анна, Мария, Татьяна.

Ну, а у бабушки Оли совсем другая была семья и история. Бабушки Оли нашей (а нашей прабабушки) мать была служанкой у купчихи. Было много детей в семье, из Старково они были. Бабушка Оля умерла в 1968 году - ей было 96 лет, она 1876 года рождения (все-таки получается 93 года). Она уже и сама не хотела говорить, сколько ей лет, потому что все удивлялись.

Большое семейство. 1933 год. Стоят слева направо: зятя Ольги Ивановны (в центре) - Иван Башманов, Андрей Пральников (мой дед), сыновья – Василий Морозов, Леонид Морозов, дочь – Анна Молрозова, зять – Даниил Ефремов. Сидят: дочь Александра Пральникова (Морозова – моя бабушка), ее сын Андрей Пральников, невестка – Мария Морозова (жена Василия) с сыном Анатолием, Ольга Ивановна Морозова (Старкова) с внучкой Людой дочерью Анны, сваха Ольги Ивановны – Прасковья Башманова, дочери Мария Ефремова (Морозова) со своим сыном Владимиром и Татьяна Башманова (Морозова). Сидят на полу внучки: Галя Пральникова, Лариса и Соня Башмановы и Валя Пральникова (моя мама)

Вот ее мать была служанкой у купчихи. Потому, что они жили в Гремячке, у них было много детей, и она ушла в город. А отец ее, прадед мой, бабушки Оли отец - комиссовали его, он солдатом был царской армии. Прослужил что- то много лет, лет 15, наверное, потом его комиссовали. У него ни родни, ни кола, ни двора, ничего не было. Солдат, дали ему какое-то пособие, обмундирование солдатское. Ходил на базаре подрабатывал: кому поднести, кому что- то сделать. А она ходила покупки покупать. Горничной работала, ее посылала купчиха на базар, который был там - за Домом

Советов . Там тоже рынок был городской – там площадь была, ничего не было. Он ее увидел там на базаре, влюбился, стал к ней ходить. В общем, они поженились. Голытьба перекатная. И вот у них дети пошли: баба Оля и у нее был брат один. А потом из деревни приехал на заработки этого солдата младший брат. И тоже стал в городе жить. Вот где они научились, но научились полотерному делу и малярному. Вот где тогда учились? Я не знаю. Мастеровые друг у друга, наверное. И стали они полотерами, подкопили денег и купили дом. Даже не купили, а сняли у купца. Здесь купцы жили по улице Сороковой (сейчас ул. Бойцов 9-й Дивизии) наверху. Я забыла их фамилии. Купцы эти занимались садоводством. Тут были хата, хата и сплошные сады. Гревцовы, вспомнила, купцы. У них были сады, специальные сорта яблонь. По ул. Сороковой, до самой ул. Выгонной туда. Тут два купца жили Гревцовы и Бухановы. Сады назывались "Бухановы". И тети Лели Котопуловой бабка Бушуева, тоже купчиха была. У той были сады за Домом пионеров, где "Зеленстрой" сейчас. Это мне бабушка Оля рассказывала. Они сами не рассказывали. А бабушка Оля говорила, что Бушуевы тоже имели магазины, не магазины – лавки овощные. И были у нее люди, которые вразнос продавали овощи и фрукты. Яблоки сорта были, сейчас таких нет – какие-то Крымские, такие длинненькие, как "толкачом", желтые, желтые и розовые бока. И все сады были обсажены этим . . . – барбарисом. Барбарис такими кистями висел прямо, кислятина такая. Этот барбарис был такой, что не надо было ни опрыскивать, ничего не водилось. И коноплей обсаживали. Чистые сады были, никогда ничего не было, никаких вредителей.

Ну и вот, они работали полотерами. Зимой – полотерами, потому - что полы натирать, все дворянство разъезжалось по деревням, по своим усадьбам. Дома в городе закрывались. Летом полотерам делать нечего. Дворянское Собрание (ныне Дом Офицеров) натирали, ну клуб купеческий, допустим. Купеческий клуб был и сад "Ливадия" на ул. Московской (ул. Ленина) между ул.Золотой и ул. Садовой. Улицы Радищева не было. Была ул. Фроловская до ул.Золотой, а от ул.Садовой шла ул. Мясницкая до хлебозавода. Даже роман писал наш знакомый Юрий Герман. Там он описывает интересно Курск, Мясницкую улицу, магазины по Московской улице.

И вот жили. Значит что- купить землю они не могли – слишком для них дорого . Они арендовали землю у купца. Арендовали на какие-то годы там. Какие-то проценты платили по договору. А тут была волость, где кинотеатр "Восток", только туда поближе. Волость была – управление наше – слобода Казацкая и Волость. Ну, все в волостном управлении там заверили, подписали, печати поставили. Но прадед этот был – ковырялка, бабушки моей отец. Он запивал тоже, но пил он немного. Зато задира был, бабушка говорила – "с землей подерется", придерется. Драться – не дрался, а языком только. Вот сидит он у окна. Дом – то поставлен на чужой земле, а вторые рамы не из чего делать. Надо опять деньги, а их нету. И печка посередине и два брата: на этой половине один брат с семьей, на той половине – другой. На этой половине бабушки Оли отец – рекрут этот и у него двое детей: бабушка Оля и был еще сын Иван, помоложе бабушки. А у того восемнадцать человек детей. И не горевали, что 18 – голодные бегали. А печка была посередине, и топили соломой. Ходили в валенках, подпоясанные – холод

по хате ходил. На окнах нарастает слоем лед, потом тает, когда "грубка" топится, и ручьями по полу льется. Вот как жили!

И вот дед этот, рекрут, сидит под окном и на жену:

- Ведьма, иди штоф купи, а то я тебя на нитке повешу.

Она:

- Ах, сукин сын, негодяй, как же ты мне насточертел!

- Не гуди, иди по хорошему, пока я тебе не дал по морде.

Вот она платок одевает:

- Олечка, придется идти.

Поставит штоф на окно, на подоконник. . .

И целовальник – на царя, эксплуататор, сукин сын, матюками. Вот идет купец. – А эксплуататор, сукин сын, содрал с нас три шкуры! Я тебя удавлю! Вот придет время, я тебя удавлю. Думаешь, я тебе буду выплачивать столько денег? Обсерешься, сукин сын.

Тот остановится и говорит:

- Иван, ты замолчишь?

- Иди к такой матери, а то я тебя сейчас чем-нибудь прибью.

Тот убегает. Веселый у вас прапрадед был. Купец терпел, терпел, а потом заявляет:

- Земля моя. Куда хочешь хату свою уноси. Я тебя терпеть не хочу на этой земле.

Бабушка Оля уже на выданье была, замуж выходить. Идут, плачут, на колени падают перед этим хозяином. А он подкупил Волость, ничего добиться не могут. Срок был указан, на который аренда, а он не дождался и выгоняет. В Волости говорят, что все уничтожены документы. Как тогда поступали с простыми, темными людьми. Вот ему говорит жена:

- Сукин сын, что ж ты наделал? Доболтался ?

А купец еще сказал, что я тебя посажу, как ты царя ругаешь: целовальник, сукин сын, ты себе там Гришку нашел, Гришка правит страной. (*На самом деле – до Григория Распутина еще лет 10 наверное*) И пошли они по квартирам. Продали дом на слом, потому что никто не захотел покупать на земле этого хозяина, который может выгнать в любой момент. А тут, главное дело, он такой богатый был - из Москвы приезжали, ящиками грузили яблоки и груши. В Москву отправляли, и у него денег было много. У него было 4 сына, у каждого по 5, по 6 детей. У Гревцова этого. И стоял дом на восемь окон во дворе, специальный детский. И 14-ти летки по очереди дежурили с младшими детьми, стирали там, распределяли все работы – коммуна детская. Так он и жил – этот Гревцов, и в "заграницу" уехал.

И дальше – наши пошли по квартирам, да и бабушка Оля выходила замуж – уже этот

шум был. Замуж еще выйти не успела. Троица была, а тогда на Троицу гуляли. Сороковая – широкая улица, хороводы водили, костры жгли. По – казацки называлось карагоды (хороводы). Молодежь собиралась компаниями, девушки венки плели, яичницу жарили. Ребята пряниками, семечками и орехами девок угощали, играли в ручеек – вот это и называли карагод, парами становились. И вот стоят, значит, они – девчата днем, разговаривают. Народу много девок, а по другую сторону - ребята. И как раз, с Сороковой и с Узенькой – соседи. И вот говорят подружки: - Олятка. Вон Морозов Иван с тебя глаз не спускает, так и смотрит за тобой.

А я спрашиваю:

- Ну и что, бабушка, ты?

Она говорит:

- Да я один раз глаза подняла, посмотрела на него, а он на другой день сваху прислал. Та пришла и говорит:

- Завтра к вам придут сваты.

Ну пошли, купили четверть водки, такая четверть высокая (1/4 ведра- 3литра), на глядки, орехов, пряников, семечек. Тогда мебель какая была – в большой комнате посередине стол, а вокруг стола лавки, на лавках и сидели. И тут сказали:

- Едут, едут!

Тут ехать – через дорогу. Ул. Узенькая – она почти соединяется с ул. Сороковой, но все равно, надо ехать. Едут, едут сваты – ребята перевязанные белыми полотенцами через плечо и, значит, сваты – пожилые родственники его, жениха. Ну, жених на улице, под окнами с ребятами, а сваты в хату прошли. Пришли в хату – начинают торговаться: по одну сторону стола сидят родственники – сваты, а по другую – родственники невесты, родня вся и тетки и дядья и все. Вот начинают: - Мы к вам пришли посватать вашу невесту. Наш жених нас прислал. Что вы дадите за своей невестой? Какое приданое?

Тут начинают перечислять, что дадут. Сак, полусак, ротондру, еще что – 5 одеял, столько-то того, столько- то того-то. . . Ротондру – это такая была у бабушки с высоким воротником стоячим и дырки – куда руки продевать. Такая , как боярская одежда широкая. Какая была у бабы Оли девичья фамилия? Я помнила, а сейчас забыла, но я вспомню еще. Морозова она уже была по мужу. Ну, то- то, то–то, а сваты – вот того–то нет. Тут родные говорят:

- Это мы не можем, наша невеста еще молодая, мы решили подождать, пока все соберем. А пока – вам отказ. Как бы понарошку. Те начинают:

- Ну ладно, мы сбавим, это нам не надо, обойдемся, это тоже, а вот это обязательно нужно.

- Нет, невеста молодая. Начинает тетка ее говорить:

- Наша невеста рукодельница, она с 7 лет за пяльцами сидит, наша невеста сама

заработать может дома сидя. Она не какая-нибудь фабричная. Фабричные тогда считалось низы, знаешь, общества.

- Невеста не какая-нибудь фабричная, она семейная, то-то, се-то.

Вот, а там жених ходит, а ребята ему передают. Вот то-то просят, это просят, столько-то денег на свадьбу, столько-то того-то. Тогда жених как заскакивает в хату и говорит:

- Все, прекращайте сватовство(в смысле торги). Я ее беру без приданого. Я знаю, что у них и угла нет. Я ее беру. Угол снимаю и буду с ней жить.

Тут сваты на дыбы- да как же так ? А с этой стороны, невестиной, говорят:

- Нет, бесприданницей одну мы ее не отдадим. У нее есть отец и мать.

Он говорит:

- Ну что ж, я согласен. Пусть живут со мной и тещь и теща. Я ее очень люблю.

Он уже был приказчик у купца Пузанова, еще до женитьбы. Он женился – ему уже за 30, под 40 лет было (33). Он женился поздно. У него золотые часы на цепочке и сапоги бутылками. Старший приказчик обувного магната, губернского. Все обувные магазины его были, купца Пузанова. Ну вот.

- Так вот берешь нашу невесту? У нее есть отец и мать.

- Я согласен. Будем жить с тещей и тестем. Все прекращайте сватовство.

Тут тогда старший ихний сват на него попер, попер. Он отбился. И тогда тот говорит:

- Ну все, девки берите пряники, ребята разливайте водку. Снимает это полотенце, бьет им об стол – значит договорились. Да, еще сказали – нет, выведите невесту. Что скажет она? Еще за ней слово, это жених сказал:

- Еще за ней слово, мое слово такое, а что скажет невеста?

А ее там уже подружки нарядили. Косу ей заплели, нарядное надели платье, кофту с пуховыми рукавами, с кружевами. Как вывели ее, так и ахнули все сваты:

- Вот это да! Эту невесту и без приданого надо брать!

И тут давайте, об стол это сват ударил полотенцем и пошло гуляние. Девки семечки, орехи, пряники. А ребята водку. Я говорю:

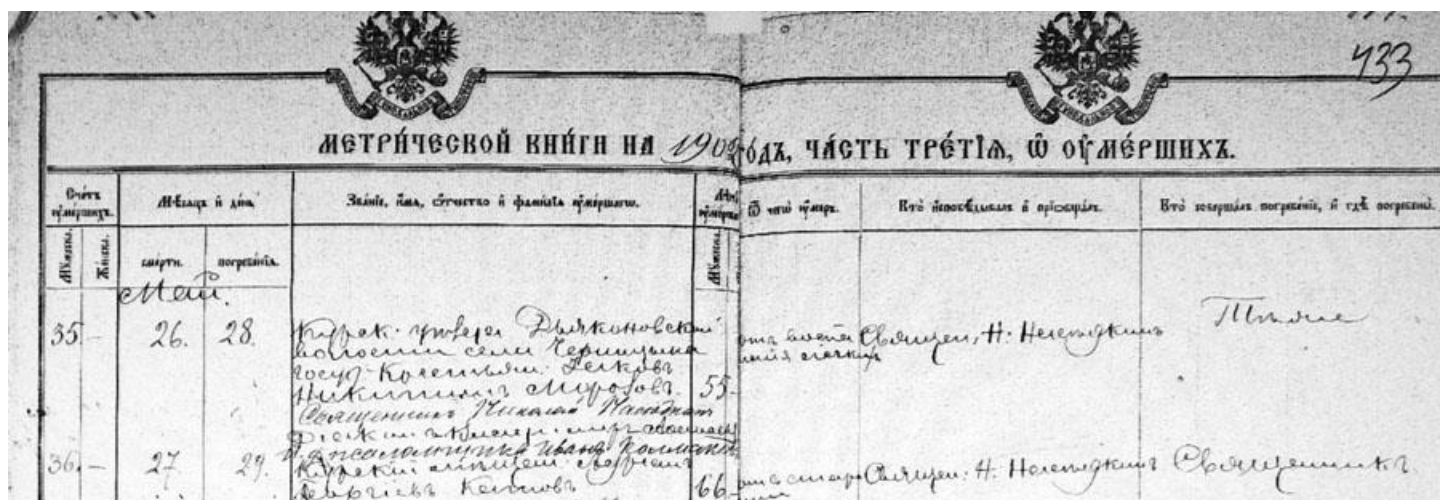
- Бабушка, а чем же закусывали?

- Чем-чем - пряниками. Закуску никакую на стол не ставили. Не положено было.

Да еще так – сваты смотрят - сколько жених выпьет. Во! Сколько рюмок выпил. Еще пьяница, может, будет. Эти сваты – невесты, с ее стороны. Ну и назначили на какой – то день свадьбу. Прямо до свадьбы надо квартиру искать. Еще до свадьбы жених нашел квартиру и перешли на квартиру жить. Дом на слом продали.

А у жениха, у этого было – он самый старший, а там братьев и сестер- до кучи. Род он

вел из Гремячки (деревни за телевышкой и объездной дорогой). Отец его был лодырюга непресветлый. В деревне он жить не хотел, землю обрабатывать не хотел. Хата у него там была – сдал в аренду, землю сдал в аренду. Каждый раз, как родится сын - десятину земли прибавляет Волость. За девку не давали, а за сына давали. А у него было четыре сына и сколько- то десятин земли. И жил там, снимал у него арендатор или фермер, как его. А он сам не хотел там жить, мог бы жить припеваючи. Арендатор этот придет, все ныл: то град побил урожай, то вода сильная была, то не уродилось, то соломы нету. А бабка, жена его, бывало, скажет:

Копия метрики Михайловской церкви о смерти прапрадеда Якова Никитича Морозова, 55 лет, 1902 год.

- Да пойдн ж ты проверь. Что хоть там?

Денег арендатор давал самую малость, и привозил картошку, капусту, зерно – все привозил. А он не работал. Только пойдет на базар, фартук повесит, походит, походит, приходит домой. А старший его сын попал в такие приказчики потому, что он грамотный был, а у купца у этого, еще у его отца в мальчиках был, всему учился. А потом он и сына своего Ивана, который погиб, тоже туда в приказчики взял. Сначала зазывали покупателей, потом учили работать, учили на месте. За уши трепали за ошибки, но учили.

А бабушка Оля молодая красивая была. Черная, как грузинка, прямо грузинка. Вот бабки, которые еще живы были, долго мне говорили:

- Валя, мы ходили воды со следующей улицы Кладбищенской (сейчас ул. Мичурина), ходили через лог и специально ходили по той дороге, останавливались около. . . Во, вспомнила: Старкова была ее фамилия. . Останавливались около Старковых: под окном на пьльцах она шила, мы только на нее чтобы посмотреть- такая она была красивая. Иван Яковлевич давно ее заметил и боялся, что она за кого-нибудь еще замуж выйдет. Потому со сватовством и спешил.

- Бабушка, как вы жили?

- Да как. Я его называла Иван Яковлевич, он меня - Ольга Ивановна. А спать ложились: я его – Ванюшка, он меня-Олятка.

Я прямо со смеху умирала, как она рассказывала. Дед был клятый, о. . . он бы был купцом, если б не революция. Ну, все равно он был бы русский купец. Не раз в год загуливал, до угару, до полного. Бывало, скажет. . . Первую квартиру он снял на ул. Узенькой, там жил поп, этот дом сейчас перестроился, на низу – на Узенькой. И поп этот – у него был где-то приход в районе, а тогда попам зарплату не платили. Приход его содержал. Ну, он там и не жил. А наши у него полдома снимали. И вот надо было по Золотой идти ему по порожкам. А вот он идет, значит, до Кура. А Кур никогда не был таким широким. Тоже всегда пересыхал, его чистили. Идет из лавки пьяный, пьяный. Доходит до Кура, сел на берегу, снимает сапоги, связывает, вешает на плечо, перекрестился и прыгнул в этот Кур. Дед мой – ему спьяну показалось, что это река большая. А бабки, все там тетки сидели на улице и со смеху умирали. Как он прыгнул, а вода во все концы раздалась, и он чешет босиком домой. И бабушке рассказали. А на другой день ему теща:

- А! Опозорился - прыгнул у Кур, а там раку по колено. И шел, шлепал, а!

- Мамаша – не может быть. Это тебе бабы наговорили, слушай ты их.

А потом, лежал, лежал и говорит:

- Я в лавку не пойду, чего там делать?

Стыдно было идти по улице- совесть у людей была. И . . . запил.

- Принесите штоф.

Принесли штоф. Пьет неделю, пьет две – так и не просыхает. То и дело бегают за штофом в пьяную лавку. А пьяная лавка на ул. Луговой была в двухэтажном доме, по той стороне, где раньше у нас магазин был "Яшкин" прежний. Бегали, приносили. Он уже охал, стонал, а пил. Неделю и две и ничего не ест. Теща ему:

- Иван Яковлевич, да похлея

- Ой, нет. Ничего не хочу. Оля, дай мне огурец.

Ну, там жидкого попьет, квасу. Потом просыпается в один день и говорит:

- Мамаша, принеси мне рассола огуречного из погреба.

А та:

- Олятка, все запой прошел. Иду за рассолом.

Принесет ему кружку медную, вот куда она подевалась. Старинная такая медная кружка. В середине рябая была, а поверху – красная медь. И вот он одну кружку, другую выпьет. Полежит. Потом идет в баню. Берет веник и идет в баню. Из бани приходит - ложится. Чай, тут уже чай. Самовар ведерный кипит, шумит. С подстаканником стакан. Чаю выпьет, еще. . .

- Сколько я попил?

- Иван Яковлевич- 12-й стакан.

- Вот это да!

Аж, сам удивлялся. А чай вприкуску, сладкий тогда не положено было пить. Сахар рафинад кусали щипцами на кусочки.

- Ну, кажется все.

На другой день бреется. У него ж не было бороды, а только усы. И, значит , идет в лавку. Приходит к хозяину:

- Можно? – это уж он сам рассказывал

- Входи. Входи. Ну что, одумался? Ах , сукин сын!

- Ну, постараюсь, чтобы этого не было.

- Надеюсь, что это надолго. На месяц, на два?

- Нет, на полгода.

- Ну, посмотрю!

Все , на полгода завязал. Вот он говорит, хозяин:

- Иван Яковлевич. Полгода прошло. На ярмарку в Юзовку ехать. Боюсь тебя посылать. Ты там запьешь. (Юзовка это сейчас г.Донецк).

- Нет, не запью. Да, знаешь хозяин, не ручаюсь за себя.

- Ладно, поедешь. Без тебя, все равно, толку мало. Заваль повезешь (то, что не покупается долго).

Снарядили рабочие, там было много служащих – то, что не покупается. Промазали для таких, купцов мелких, сапоги гармошками- бутылками, дегтем. Начистили их, чтобы блестели, боты – ботинки с двумя резинками вместо шнурков, сандалии летние. Поехали – два воза, ему трех помощников дали, он четвертый. Ехали, ехали, доехали уже по Украине. Постоялый двор большой – перед Юзовкой. Остановились на постоялом дворе. Хозяин его знал:

- Иван Яковлевич, Иван Яковлевич . . .Что заказывать будете?

Половой тут бегают, им подает на подносах:

- Водки, водки столько- то . Закуски с хреном. Поросенок с хреном, то – то, се – то. ..

Закутили, загуляли. Пьяные вдоволь. И под столом валяются уже. Уже все пьяные.

Утром просыпаются, глаза продирают. Хозяин говорит:

- Увели и лошадей и ваши возы. Что теперь делать? Теперь до смерти не расплачусь. У меня дети. Слезы, паника. А хозяин - все ж закрыто было, такие запоры, такие заборы с острями наверху. Ну, хозяин с ними заодно, с ворами, с цыганами. Открыл им, и они

увезли возы, запрягли лошадей. Смотрю, говорит, надо похмеляться, да как - то домой возвращаться. Мальчишки деревенские бегут:

- Дядя, дядя. Возы ваши стоят под горкой. Коней нет, а возы стоят.

Что ж такое? Один воз – обувь на правую ногу, другой воз – на левую ногу. А эти цыгане ночью не сообразили. Глянули – одинаковые, как их продавать? И бросили. Коней забрали, а возы бросили. Ну, тогда этот хозяин постоялого двора дает им деньги в долг - покупайте лошадей. Они покупают лошадей. На ярмарке все продали удачно, много заработали. Ну и, значит, возвращаются. А уже хозяин Пузанов тут в Курске все знает. И почты не было, а все знает. Он идет к хозяину прощения просить. А ему говорят приказчики, что с ним были: - Да, Иван Яковлевич, да откуда он будет знать? Мы же все продали, лошадей купили. . .

А он говорит, только захожу к хозяину, а тот:

-А, сукин сын, знаю, знаю пьянки твои.

Бух в ноги тогда. Простил за то, что не растерялся совсем. А идея была хозяина, конечно, они сами и не знали. Хозяин приказал так рабочим погрузить обувь. А они, кто ездил, даже не касались. Хозяин свои меры принял предосторожности. Он был очень умный. Хозяин говорит:

- Иван Яковлевич, хватит тебе по квартирам шататься, покупай дом. Подыскивай дом, я тебе доплачу

Хозяин этот имел двух сыновей: один сын – военный высокий чин, второй – просто офицер. И дочка была – Сонька – моей маме, вашей бабушке ровесница. Вот из гимназии эта Сонька выкурила вашу бабушку. Старшая дочка была в семье мама моя (наша бабушка Шура). Она была очень красивая, и ее решил учить отец. Определил в женскую гимназию, в нулевой класс отдал. Там надо было платить – он платил. А она стала прямо первой ученицей и учительница ее так полюбила. Она же (бабушка Шура) вообще у нас была очень мягкой, доброй. Жили тогда уже в 2-х этажном доме на Нижнем Планае(ул. Нижний План – вдоль речки Кур – снимали первый этаж). А гимназия называлась "Зеленая Гимназия" – была между улицей, где Горсовет, на главной улице(на ул.Московской).

Ну вот, учительница, значит, полюбила бабушку: - Шурочка, вот диктант написала лучше всех. Задачи решила. Какая умница, молодец девочка. Шурочка, Шурочка – никак по фамилии не называла, ничего: - Шурочка возьми журнал – отнеси в учительскую. А это заедало купчихину дочь – Соньку. Она приходила домой, прямо падала в обморок, дрыгала ногами:

- Не хочу, чтобы Шурка училась!

Вот она проучилась до весны. Это надо в 1-й класс переходить. Ну, знания богатые были. Нулевой класс она закончила, подготовительный, тогда называлось, курс. И дробы проходили, и грамматику, и все на свете. А гимназии тогда были – учебные заведения 2-й

ступени. А до того церковно- приходскую школу бабушка закончила с похвальным листом, тогда грамот не было – давали похвальный лист. И отец решил ее дальше учить. Но . . . Вызывает хозяин к себе:

- Иван Яковлевич, я вот что: забирай дочь из гимназии.

- Почему?

- Потому что мне покою не дает моя Сонька.

Ну, он и думает, как же я против хозяина пойду. А он же обувщик – специалист. Семья нищей останется: и тесть, и теща, жена, дети. Пришел домой, говорит так и так, надо Шурку из гимназии забирать. Мама говорила:

- Я так плакала! Ночами плакала, чтоб не видел отец.

И забрали. Приходила учительница 2 раза домой, а учительнице не говорили, что хозяин приказал. Говорили, что семья большая – она у нас помощница. Мы не можем ее учить дальше. Учительница говорит, что я буду хлопотать. Какая-то купчиха здесь была в Курске (я уже фамилию не помню – надо было записывать) – она бесплатно способных детей учила, давала деньги, чтобы учили таких детей одаренных. И она говорила, учительница:

- Я буду хлопотать, чтобы купчиха оплатила учебу Шурочки. Вам конечно трудно, у вас семья большая.

- Нет, нет, нет.

И так отказались. Бабушка из гимназии ушла. И так вражда была у нее с хозяйской дочкой. Когда бабушке было 16 лет – была мода – платья узкие, длинные и на боках разрезы небольшие – небольшие – по икру. А бабушка Оля, она ж всю жизнь работала дома для магазинов и ее мать ей помогала. Вот они скопили денег, купили ей шерстянку - платье ей сшили. Тогда шерсть была тонкая, воздушная – называлась шерстянка. И сшили дочери платье. Как баба Оля рассказывала, она помнила все. Такая старая, но все до капельки помнила. Говорит:

- Валечка, купили мы шерстянку сиреневого цвета, как густая сирень махровая, а по ней блесочки блестят. Сшили платье модное. С высоким лифом, длинная юбка, на боках прорешки. Купили парусиновые белые туфли на французском каблуке, с бляшками шляпу "бриль" – плоское дно, мягкие поля и фиалки на тулье под цвет платья, белые перчатки. Сумка белая вязанная шелковая с такими махрами. На Троицу в монастырь идти ко всеношной. А Ивану купили шерсть, костюм сшили на заказ в клеточку мелкую – модный летний костюм. И тоже шляпу "бриль", тросточку, туфли.

А Иван был после бабушки второй ребенок у них. А он (отец) пришел из лавки, под Троицу отпустили пораньше. Подмел улицу, двор, сидит на завалинке. А дочь собирается, собирается, шляпку надела. А он сидит на завалинке – дочь не знает, как пройти. Вдруг как глянет, что такая юбка узкая, да еще с прорехами. Ой, боже мой, скажет вернуться и все. Зазвать бы его с завалинки домой. Вот теща ему в окно:

- Иван Яковлевич, самовар шумит. Что будете чай пить?

Он отвечает:

- Нет, сейчас не пойду. Тогда мы его снова раскочегарим. Пусть тухнет.

- Иван Яковлевич, да вот в погреб надо лезть. На ужин достать молоко топленое. (В кувшинах глиняных тогда хранили.)

- Ну как кашу достанут из печи, так я и полезу в погреб, молоко достану. Тогда последняя уловка. Он очень любил Маню, она маленькая была и на брата его похожа.

Мария, Татьяна и Анна Морозовы

- Иван Яковлевич, что - то жар у Марочки (он ее Марочкой звал).

- Да? Ну, заверните ее в одеяло и несите ко мне.

Она тогда говорит бабушке Оле:

- Олятка, все, никак не идет домой.

А Иван то и дело прибегает:

- Шур, ты готова?

- Шур, ты готова?

Она:

- Да вот отец сидит, я боюсь – вернет.

Иван:

- О, господи, меня ребята давно ждут. Ну, сколько я тебя буду ждать?

А надо , чтобы обязательно вместе с братом вышли из дома. И чтобы вместе пришли домой с братом. Тогда она говорит:

- Ну, все, господи, пойду.

Перекрестилась, выходит, Ваня уже ждет. Вот отец:

- Куда это вы пошли?

- Ко всеношной, с молодежью.

- Давайте, я вас перекрещу.

Глаза вылупил, перекрестил:

- Дочечка, красавица моя. Ну, идите.

Потом входит в хату и прямо на колени бух:

- Жена, как же ты дочку, нашу красавицу снарядила? Да теперь там Сонька Пузанова сдохнет от зависти (дочь хозяина). Как глянет на нашу Шурочку, так и сбежит с гулянья.

Да еще ее брат – офицер ухаживает за нашей Шуркой. Приехал на побывку. Купеческий сын, офицер – гренадер Пузанов. А мама говорит:

- А я бегу, света белого не вижу. Рада

Подруга ее там тоже на углу ждала, говорит:

- Шура! Какая ты красивая, Шурочка!

А отец дома:

- Как же вы сумели такой наряд нашей дочери сделать?

Довольный весь вечер. Самовар сам раскочегарил. Настроение хорошее. Мама красивей всех была. Но жизнь ее бедная была. Муж ей стубил жизнь – мой отец, дед ваш.

Ну, все-таки чувствовал за собой вину купец. Соньке своей едет обувь покупать в Москву, обязательно

французскую обувь берет дочке, и Иван Яковлевичу для дочери. Давал каждый год летнюю обувь, зимнюю обувь всем – на всю семью. И даже теще боты, каракулем отделанные, теплые. Для семьи старшего приказчика только. Он у купца "правая рука" был, купец ему верил. Знал, что никогда ничего не воровал. Честность и тогда в цене была. Даже то, что он изредка запивал, хозяин ему прощал. Купец и сам запивал, тоже запойный был. Только в такие моменты никуда не выходил, нигде не показывался, а только слух был. То горничная там, то еще кто говорили: « Опять хозяин в запое». Слух был, так что хозяин ему сочувствовал. Дед (наш прадед) денег заработал полсундука золотыми червонцами. А потом золотые менял на Катеринки да Петровки (синяя 500рублевка - петровка). Собирался свое дело открывать тоже обувное, так как был специалистом. И ему говорил хозяин:

-Иван Яковлевич, со временем ты откроешь магазины, я тебе куплю места, где будешь торговать. Ты должен семью вытащить из нужды, а то твоя жена день и ночь шьет на магазины.

Она поддевки купеческие шила. Это такая одежда – не дай бог: на вате, а на поясице все в сборку. Отрезное – все в сборку и мех и так и так идет по низу. Толстое сукно. Как сейчас осеннее пальто. Поддевка, почему так называлась? Не знаю. А шить их – руки отсыхали. На полу кроили. А мать ее, Екатерина Ивановна, ходила материал брать. Вот, говорит, раскинем- 10 поддевок не выходит - на рукава не хватает.

- Мам, как же ты брала - на рукава не хватает?

- Ах, сукин сын, задрыга. Завтра же пойду к хозяину лавки жаловаться.

Приходит, с форсом таким: - Ты что же, сукин сын, сколько ты мне сукна нарезал?

- А что? Катерина Ивановна, что там? Это может я спьяну ошибся.

- Я пойду к хозяину.

- Не ходи, не ходи. Сколько там не хватает?

- Да на рукава, на 10 поддевок.

Он дает и на рукава, и на целую поддевку сверх того. Чтоб только она к хозяину не ходила. И вот тоже, видишь, какая честность. Уже хозяин не мерял сам сантиметром, столько у него этого добра. И хозяйничал этот, который отпускал. Поэтому Пузанов и ценил своего старшего приказчика- деда за честность.

Потом они перешли на брюки. Трудно было с этими поддевками. Детей много, хлопот много. Я говорю:

- Бабушка, ну какой же у Вас был муж? Это ужас.

Как я это сказала, я уже забыла как. А она:

- Нет. Он был просто строгий.

В 7 часов (19-00) он из лавки приходил. Чтоб дети уже все лежали, чтоб никто не бегал,

не прыгал. Такая большая кровать деревянная, лавку подставляли и поперек они спали – дети. И даже , если кто не спит, как отец пришел, выглядывают из под одеяла, смотрят, но тихо, никого не слышно.

- Деспот - я говорю, был.

Она:

- Что это за слово? Ничего подобного – просто строгий.

В 7 часов – ужин (19-00). Ноги мыли обязательно, и спать. Вот дед увидит, Маню он любил, что она выглядывает из под одеяла: - Марочка, иди на руки ко мне. Другие не лезли. Он ее подержит и положит. И потом, я говорю, ну как же так? К его приходу обязательно чтоб самовар шумел на столе. Вот теща сто раз:

- Оля, сколько там?

Ходики – часы были : то отстают, то вперед идут, то щипцы на цепочку повесят к грузу, то ножницы, то снимут. Они плохо, неправильно ходили. Только монастырские часы – проверяли по ним.

- Скоро придет Иван Яковлевич. Ставим самовар. Надо чтоб шумел.

Вот он вошел в дом, а на столе, на подносе – стоит, шумит самовар. И пил он один стакан чайный в подстаканнике крепкого чая – и все. И дети – тишина. Дисциплина такая была. И бабушка Оля говорила, вот уже теперь, в наше время:

- О, боже мой, как же вы живете? Как же так? Ну, вырос ребенок, кончил школу, идет в институт. Обязательно его одевать, обувать, деньги ему давать. В старину: 10 лет, отвел к хозяину, и он его там и воспитывает и обучает. Уже с плеч уходит. Ну что ж - другое время.

24	Знаменский Вас. И. учил 2в класс	учитель	ст. учитель	м	3	-	-	-
367	Ильинский Фед. И. учил 2в класс	учитель	ст. учитель	м	-	-	-	3
368	Ильинский Фед. И. учил 2в класс	учитель	ст. учитель	м	-	-	-	3
369	Ильинский Фед. И. учил 2в класс	учитель	ст. учитель	м	-	-	-	3
370	Ильинский Фед. И. учил 2в класс	учитель	ст. учитель	м	-	-	-	3
371	Ильинский Фед. И. учил 2в класс	учитель	ст. учитель	м	-	-	-	3

Документ с Ответственными квартирьщиками по Сороковой

Я собираюсь на собрание - к вам в школу. Шуба у меня тогда была. Бегаю, шапку одеваю, губы подкрашиваю. Она сидит в углу, смотрела, смотрела:

- Вася! (отца вашего очень уважала)

-Что бабушка?

- Что ты смотришь на свою жену? У нее трое детей (тогда было трое), а она хвостом крутит, бегает перед зеркалом. Как это так? Да она должна около порога голову платком покрыть, одеться и идти. Все глаза мне намозолила, туда- сюда мотается. От одного зеркала к другому.

А он ей говорит:

- Бабушка, ну как же? Теперь так все.

- Оттого- то и жизнь плохая, что все неправильно. Раньше, как приданое дадут, в небогатых семьях – и пока не умрет – ничего не покупают, все готовое в сундуке лежит. Я говорю:

- А если моль поест?

- Значит, в худом будет ходить. А покупать – муж никогда жене не покупал. Это теперь нищие все. Смотришь , то, то купили жене, то се. Вот наш Леонид Нинке то-то, то это покупает, да когда ж тут деньги будут? Все деньги на наряды уходят. Раньше вот такое было: из сундука достает и носит готовое. Даже дочь замуж выдает, и кое-что остается еще из своего приданого. А платье, как венчальное платье сошьют, так всю жизнь оно праздничное, в нем и в гости ходят. И даже смотрели , говорили: - Ой, что-то Дунька пришла без венчального платья – наверное моль поела.

Без венчального платья пришла. У всех платья венчальные. Вот, жизнь-то какая была. И старший брат, если жили бедно, должен был помогать, и сестрам замуж выходить, и младшего брата как-то пристраивать куда-то. У деда моего, вашего прадеда, был еще младший брат Дмитрий. . . . Нет не Дмитрий – забыла как его звали. Поехал на заработки, отец его послал в Харьков, там строительство какое-то было. Брат Ивана Яковлевича Морозова. Поехал .там зарабатывать, присылал отцу деньги. Отец у них был лодырем. У него никогда денег не было. Что даст арендатор этот, какие-то копейки. Он их и промотает, жене даже не даст. Пусть, говорит, Иван:

- А что я обязан? Пусть Иван. Я их вырастил, а теперь пусть старший брат помогает. Мы его вывели в люди, теперь пусть он братьев выводит, а сестер – замуж выдает.

Такой был обычай. Бабушка говорила, что через них всю жизнь нищета была, через них и ей день и ночь работать приходилось. Шила ночами, чтоб как-то своих детей одеть обусть. Обусть–то хозяин помогал, но чтоб жить. Ну вот, младший брат Морозов уехал на заработки и, вдруг, телеграмма пришла, что он там умер. Прибило его чем-то на стройке. И что ты думаешь – не за что ехать. Ну как его из Харькова везти – сколько это надо денег. И решили: да пусть там его и хоронят. А потом пришло письмо, и, значит прораб, теперь прораб, а тогда десятник назывался, описывал, как его там прибило, как его похоронили. И вот вам за него жалование, деньги прислали даже из Харькова. Даже не ездили хоронить. А другой брат, как раз Андрей наш родился в 1919 году. Отца ж не было, отец был на фронте. Его и назвали Андреем в честь отца. Может он вернется,

может, нет. Ну и тяжелое время, водка нигде не продается. И на Гремячке, поехал Петр Яковлевич- брат дедов, самогон заказывать на крестины. Созвали гостей, крестили. И нету, и нету его. Гости ждут, ждут. С утра поехал, уже вечер – нету его. И так крестины без самогона были. А на другой день поехали искать, а он насамогонился в этой Гремячке, вез на салазках самогон, сбился с дороги, а была метель - и замерз. Вот на него-то и Маня похожа была, наша курносая, черная - одна такая из всех детей. Никого таких не было, как она. Было много детей, не все выжили. Бабушка Шура была старшей, потом Иван, Василий - через два года рождались. Василий 1902года. Нет , подожди, мама 1898 года, Ваня -1900 года, Василий 1902 года, Татьяна 1904 года, а потом были Костик и Екатерина – девочка, они умерли маленькими, Маня- 1908года, сразу, Анна Ивановна- 1911года, а потом опять какой-то ребенок был – умер, а Леонид уже 1917года – он самый младший был. Тяжелая жизнь тогда была. Баба Оля все говорила:

- До революции, до революции. . .

А работали не покладая рук. А начинали то как? Баба Оля сама из бедной семьи. Единственный Иван Яковлевич (мой дед) из Гремяченских в старшие приказчики выбился. И они всех тянули. Бабушка Оля сама же и рассказывала. Вот жили, вот Тихон. Знаешь, здесь напротив жили, Любка там была - портниха, хатка там стояла. Дядя Тиша, все кричали: Тиша, Тиша, когда он идет – дразнили. Такой согнутый старичок ходил. Где слепой дом построил, а рядом была хатенка. Между Курбатовыми и слепым. Любка там Посашкова жила, Сенька портной, Томкин отец, а Люба это Тихона сестра была младшая. Ну, в общем, Тихон этот городской был, и его отец был городской. Так вот, бабушка Оля говорила, что он на дому тачал сапоги на магазин, на этот же магазин. У Пузанова же магазинов много было и лавок. Такая бедность была, за эти сапоги такие гроши платили. День и ночь, говорит, тачал, а получал ерунду.

Так вот обувь, которую давал нашим хозяин, сами носили, а старую обувь целиком ему отдавали, мешок набирали каждый год и отдавали – у них дети разутые ходили. И Тихон был самый старший у них, а это еще его отец был. Так из бедности и не вылезали. А вот, эти Евдокимовы, бабушка мне рассказывала. Значит, дядя Леша с тетей Варей – она фабричная была, а он типографщик. Его еще учеником отдали в типографию, в наборщики выучился. И вот , была у дяди Леша мать- Анна Ивановна – и отец, ну отца я уже не помню, а мать я хорошо помню. Так они были бездомные совершенно – бродяги, очень бедные. Ну взялись, там, жила в этом доме женщина пожилая - осталась одна – ее докормить, присмотреть. А она за это им подписала дом, так он и остался их дом. Ну, они за ней ухаживали, кормили, фрукты покупали. В общем, она могла в любой момент расторгнуть это дело – договор. Вот им дом и достался, а так разве б они купили дом, нищета. А наши купили хату, и то дед побоялся хороший дом купить. Как я куплю, хозяин скажет – вот дармоед, на мои деньги позарился. А он (Пузанов) как приехал смотреть, а тут хата была под соломой, да деда обматюкал:

- Ты что купил? Продай его, купи другой дом, хороший!

Это была хата на месте нашего дома. Дед в ней так и остался. Совесть имел как-то. И

хозяин, хоть и ругался, но понял деда правильно. Хоть хату, но на свои деньги.

И вот, Анна Ивановна Евдокимова, эта – бабушка Клавкина, Сашкина, Колькина и Валеркина – тети Варина свекровь. Она была это – там вон, на углу, где сейчас коров держат (угол ул. Нижний план), жила женщина, которая пекла пироги с горохом, с фасолью. Эти пироги закладывались в такие клеенчатые мешки, в корзинки. Столовых-то не было. Анна Ивановна эта носила их к заводу, тогда мастерские были. Рабочие выскакивали на перерыв - покупали эти пироги. И вот она носила раза по 3, по 4 ноши за день. На коромысле были из ваты нашиты мягкие накладки на плечи. И вот 3-4 ноши относит - спина согнется. И вот кричит:

- Пироги! Пироги! Кому пироги!?

Рабочие и бегут. И так каждый день. А оставалось ей совсем мало денег, мало платили. А муж у нее был сапожником и тоже лодырь. Бабушка говорила: - Прокофьич – это дяди Леши отец – лодырь был немислимый. Вот только выйдет на завалинке посидеть твой дед, Иван Яковлевич. Как увидит Прокофьич идет и говорит:

- Ой , надо уходить с улицы, балагур идет. Начнет заговаривать мозги мне. Прятались от него. а дома мальчишки сидели у него. несколько человек, учились, шили обувь. Вот такие дела.

Ну, конечно, если бы не война, не революция – дед бы лавку открыл. И были бы вы купеческие правнуки. Не успел он купцом стать, хоть планы у него такие были. Тоже, видишь, - в старшие приказчики выбился из Гремяченских крестьян. А отец у него был лодырь, хоть и земля была, а ладу не дал своей земле. Два года назад умер его последний брат, Ивана Яковлевича. К нам ходил, наладился, ко мне на работу ходил. Узнал , что у нас строители, и мне на работе надоедал. Девчата, бывало, скажут машинистки:

- Ой, Валентина Андреевна, опять к Вам дед идет.

Это придет, то ему кровельщик нужен, то ему надо то , то другое. Морозов Дмитрий Яковлевич. Еще мама была живая, придет к нам сюда, мама спрашивает:

- Дядя Митя, а сколько тебе было лет, когда мой отец женился?

А он:

- Шурочка, не знаю. Я икону нес впереди.

- А сколько тебе сейчас?

- 80 лет.

- Да как же 80, сколько уже прошло лет. Тебе уже, наверное, скоро 100 лет будет?

- Не знаю, не знаю. Мне 80 лет. больше нет.

Узнал меня , ко мне на работу приходил, и все говорил:

- Валечка , мне надо то –то , то-то, то-то. Напиши мне заявление туда и туда. Пусть девки напечатают. Что б бесплатно , понимаешь. Все хлопотал, какие-то хлопоты у него были.

- И у меня в кармане – записка. Адрес мой, имя. В случае, если я на дороге умру – чтоб знали.

Приходил к маме на похороны, но на помины не пошел. И двоюродная сестра маму хоронила, ее сестра двоюродная – Ольга Дмитриевна. Вот мама станет говорить:

- Господи, да разве икону трехлетнему доверяют нести? Тебе, наверное, лет 7 уже было. Дядя Митя , что ты буровишь?

- Шурочка , ничего не знаю. Я знаю, что мне сейчас 80 лет.

И три года ходил, все 80 лет. А недавно , сказали мне, умер. Три войны пережил, похоронил. Крестьянские корни – крепкие. Отца вашего хорошо знал.

- Я пешком хожу, я не признаю трамваи.

А про отцову родню, вашего деда, я мало знаю. Знаю , что семью содержал младший сын (наверное оговорка, все-таки старший сын). С 6 лет пошел работать к архирею в церковь, пел в хоре - был исполатчиком. Зарабатывал деньги золотые, каждую обедню давали золотую десятку(червонец). Он приносил домой, мать не растерялась - эти деньги употребила на бизнес, как теперь говорят. Стала покупать муку и хлебы печь, такие особенные, заварные, вкусные. И она не торговала на рынке, там на Московском базаре, а носила по дворам. И вот хлеб достает из печки. Он три часа печется, этот хлеб. Шесть буханок вот таких вот огромных, как колесо от повозки. И пока разнесет, уже другое подходит тесто. Так она в сутки по два раза пекла и содержала семью на эти деньги.

Было четверо детей, когда отца – мужа ее поездом растрепало, свекра мамы моей. Нет, он мне не свекор, что я набуровила. Дед , дед по отцу. Свекор мой – Василиади Илья Кириакович.

Дед по отцу, когда его растрепало, то комиссия признала железнодорожная, что он сам виноват. Он был осмотрщиком (наверное все-таки обходчиком путей) и , как-то там, нашли причину, что он виноват и пенсию не дали. Осталось четверо детей, самой маленькой девочке- Танечке два месяца было, но она вскоре умерла, остались эти трое. Или я это уже рассказывала.

А как отец на телеграфиста выучился и младшего брата выучил. А потом была мобилизация в 1914 году. Он пошел на фронт, но так как тогда мало было грамотных людей - его направили в Чугуевское училище. Он вышел оттуда досрочно, за год его прапорщиком. Есть фотография, где он стоит в лесу с шашкой на боку. Потом война, на фронте, в

Фото деда Пральникова в Чугуевском училище с друзьями

окопах. Выбрали его делегатом на Первый съезд Советов, там он был делегатом. Вернулся на фронт и перешел к большевикам, стал большевиком. И у них в штабе, где он был, Юго-Западного фронта – в Киеве располагался штаб. Там все штабисты были бывшие офицеры. А командующий у них был генерал от инфантерии, конечно, я его фамилию не помню сейчас, сказал:

- Лучше служить большевикам, нежели немцам. Россию по кускам растянут. Надо, какая б ни была власть, что бы русская была.

Потом с ними со всеми расправилась Советская власть, с бывшими такими офицерами. В Киеве он уже с бабушкой вашей был. Уже у него семья была. Он посватался, когда здесь, в Курске, были красные, он уже был красным. Он уже стал большевиком и он работал здесь в Курске. Здесь организовался комитет – на фронт отправляли на юг. Взял он к себе брата бабушкиного Ивана. Он тоже был грамотным, он был писарем в штабе у них. Очень честный такой, хороший человек, но совершенно безвольный, характера у него не было. Когда наши стали красные отступать, уже Деникин подходил сюда осенью к Курску, отец сказал: - Ты должен со мной отступить, со своим штабом, где ты служишь.

Пральников дед - офицер

А отец, мой дед, его не пустил. Потому, что вот-вот должен был родиться Андрей, а придет Деникин и комиссаров всех повесят.

А сосватался отец в 1917 году. Окончил училище, приехал на побывку сюда, еще на фронт его не отправляли. И познакомился с бабушкой прямо на Московской улице, гуляли они там. Тогда шествие (променад) было от ул. Садовой до монастыря. Туда – сюда гуляли, ходили. Там какой-то человек, он бывший приказчик, тоже уже стал коммунистом, работал в "Курской правде" кем-то там. Он и говорит:

- Шура, я тебя познакомлю. Вот тут один комиссар хочет с тобой познакомиться.

И познакомились. И он прямо прицепился к вашей бабушке и не отстал. Приезжал знакомиться с родителями с вестовым, верхом на коне, привязал к воротам лошадь. Свидание, свидание,

гуляние, но он не понравился моему деду. Не понравился, дед как-то был против него. Он очень много говорил, любил говорить, прямо лекции читать. Это деду не понравилось, потому что дед был старинной закалки. Ну договорились о свадьбе, куда деваться. Раз она согласна – снимай вот этот дом – рядом. Сняли дом, у нас же хата была. А рядом дом, но без вот этой пристройки, был дом обыкновенный. Сняли этот дом и назначили свадьбу. Свадьба была шикарная, две кареты были, фаэтоны. Еще свататься приезжал на белой лошади. И приехал – договорились пополам свадьбу делать, а он приехал и сказал:

- Денег у меня нету!

Перед самой свадьбой.

- Как так? – возмутился дед мой. Свадьба не состоится!

А гости – тогда гостей звали за два месяца до свадьбы. Чтобы люди готовились.

- Разошлю всем, чтобы не приходили. Готовиться не будем.....

А баба Оля прямо падала на колени:

- Да что ж ты, хочешь старшую дочь осрамить? Это ж срам невозможный не то, что на Казацкую – на весь город!

И на колени падала, и мама и плакала. И дед согласился сам свадьбу играть. А на свадьбу к венчанию две кареты были, фаэтонов двенадцать. Тут в Казацкой старики помнят. Все говорили:

- Какая Шура красавица! И что ж она за него пошла?

Он ниже ее ростом был, ниже бабушки вашей. Но он такой был большой эрудит по тем временам. Очень умный, играл на всех инструментах, великолепно пел. Голос у него был лучше, чем у Бунчикова – артиста нашего. На всех инструментах играл – ну такой – душа общества всегда был. Ну, бабушка ваша, моя мама, в него влюбилась.

Вот отступили они.... Уже потом, опять отступили. Деникин был в 19 году. Дед мой взял за руку сына Ваню и повел в Деникинский штаб, чтоб не трогали старшую дочку, она тогда еще не родила Андрея. А там вон, на поляне повесили комиссаров, их жен, а бабушку не тронули. А потом Деникин ушел, и они снова поехали воевать. И тогда он забрал семью, отец мой. Вот я не помню, она тогда еще не родила, по- моему. И они жили в Киеве, в гостинице "Мона", бывшая французская. Француз гостиницу содержал до революции. Тут опять немцы идут, они снова отступают оттуда, Юго-Западный фронт назывался. И приехали в Курск, приехали уже в эту хату маленькую. Уже дом не снимали. А он там, отец, воевал, в партизаны попал. Потому что окружили Киев, разгромили их, отступили. Щорс тогда воевал там. Они попали, партизаны, в окружение, укрылись в лесах. Он отправил семью домой, сам ушел в партизаны, в окружение попал. Семья уехала в Курск, он был в партизанах, воевал, а потом демобилизовался уже в 1921 году. Демобилизовался, его посылали на Дальний Восток командиром дивизии. А тут он приехал в Курск, а тут все прямо в обморок попадали:- Вот, там на Дальнем Востоке еще

война идет, а у тебя ребенок родился.

Уже когда приехали они из Киева, тогда Андрей родился.

- Что ты такой один? Подумаешь, пусть там воюют, кто воюет. Ты и так уже 6 лет воюешь. Зачем ты отсюда поедешь?

Он поехал в Москву, написал рапорт, что по семейным обстоятельствам не может. В общем, его из партии за это выгнали и из армии. И приехал в Курск. В Курск приехал, здесь одного бывшего офицера назначили комендантом города, а отец стал его заместителем. И начали они тут пьянствовать, концерты устраивать, симфонические оркестры домой привозить, цыган. Вот мой крестный отец – Пономарев – цыган. А еще и свадьба когда была у них, симфонический оркестр играл на маминой свадьбе. Ну и, значит, на них написали донос. А этот самый комендант города – Жорик был офицер бывший тоже. Вот он был штабс- капитан по чину до революции. И, значит, застрелил свою жену он здесь в Курске. Застрелил в этом доме, что вот где стоянка сейчас возле базара на ул. Луговой. Приехала ЧК их разбирать, их дела эти. Приехали эти, как их, что поют "Цыпленок жареный" – гимн их – анархисты. Они прослышали, что здесь творятся чудеса и приехали, увешанные оружием разным. Схватили их и повезли за Московские ворота расстреливать. Отец сидел около кабины, руки связаны веревкой, никаких не

было этих – наручников. Он так тер, тер веревку, перетер ее, а тут сидят по бортам один матрос и другой матрос. Он незаметно развязал руки этому другу своему- коменданту бывшему. И, значит, моргнул и тот того, а этот этого столкнули с бортов. А тут, этот самый, командир их ехал в кабине, выскочил и говорит: - Ой, стойте! Кого мы везем расстреливать? Это же наши ребята.

И вернулись назад. Только вернулись, а тут настоящая комиссия чрезвычайная приехала. И их арестовали, этих анархистов. Ну, отца с другом судили. Того тоже, друга засудили, я не помню, вроде в Сибирь поехал воевать, к партизанам сибирским. А наш, тут-то отказался, до этого отказался и нигде очутился.

И назначили его директором сахарного завода в Курской области. Они и сейчас

1181	39	Пономарева Вера Мих.	1	8	2,2
1182	37	Кравчук Оскар Данил.	1	8	2,2
1183	35	Паранюков Иван Вас.	1	12	13,2
1184	33	Андреев Михаил Иван.	1	6	6,6
1185	31	Дурнева Ярославна	1	12	13,2
1186	29	Ковалева Мария Вас.	2	10	11,5
1187	35	Мамин Евгений Алекс.	1	6	6,6
1188	33	Карачкина Мария Конст.	1	6	6,6
1189	31	Евдокимов Анна Иван.	1	10	11,5
1190	29	Веренин Микс. Иван.	1	6	6,6
1191	27	Морозова Ольга Ив.	1	6	6,6
1192	25	Колодаров Вадим Влад.	-	-	-
1193	23	Мамидов Козима Усе.	1	5	5,5
1194	19	Зайгородов Ульян Яков.	1	3	3,3
1195	17	Семенинов Абрам Дав.	1	4	4,4
1196	15	Нонин Сергей Васильев.	1	8	8,8
1197	13	Сидорова Анастасия Фед.	2	15	16,5
1198	11	Шварц Яков Сму.	1	12	13,2
Итого по № 11 с. 4.			64	4/2	

Документ с жильцами по Нижней Сороковой

эти сахарные заводы существуют. Забыла в каком точно месте, в Тёткино, кажется. Он там директором побыл, тоже – спирт, пьянки. Квартиру там отцу дали. А бывший управляющий завода так и остался работать, все дела он знал. Хозяин – то сбежал, дворянин, а этот остался. Я, говорит, работник; я у него работал и у вас буду работать. Этот бывший управляющий специально отца спаивал, компании, гульба. Опять сняли его и назначили на Дерюгинский сахарный завод начальником охраны. Там ему не понравилось в глуши, завод – развалюха, давно-давно построенный. И он решил отсюда сбежать. И приехал в Курск, опять вещи привезли сюда, в Казацкую. Устроился на железную дорогу ревизором – кассиром. И тут-то пошли дела. То там, то директор обувной фабрики, то директор безалкогольных напитков, то трикотажной фабрики директор...

На этом, к сожалению, записи на кассетах закончились. Эх, жаль, столько еще маминих рассказов было, так..., в памяти кое-что осталось, а больше у Игоря, он историк, все на лету схватывал. Да, и слушал рассказы эти чаще других, мы, старшие братья в Курск в отпуск или в командировку приедем, и маму слушаем, а он все время здесь с нею.

Юрий ВАСИЛИАДИ.

Геннадий. старший брат, 2012 г. Умер в 2015-м

Владимир, Юрий и Игорь, братья. Фото 2019 г.

Отредактировано Игорем ВАСЛИАДИ, март 2022 года.